

Государственный научно-исследовательский
Институт реставрации
Музей фресок Дионисия

Ферапонтовский сборник

VI

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

К 1327887

ЖИТИЕ ВОЛОГОДСКОГО СВЯТОГО ЛЕОНИДА УСТЬНЕДУМСКОГО

К вопросу о фактографии древнерусских житий

О том, что древнерусские жития святых дают ограниченный исторический материал, говорил еще В. О. Ключевский. В этом нет ничего удивительного: житие не историческое повествование, а прославление божьего угодника. Однако это не означает, что житийные тексты существуют вне истории и реалий времени не отражают. В частности, большой интерес в этом отношении представляют жития местночтимых святых, в особенности святых Поморского края, что также отмечено В. О. Ключевским.

Большинство этих житий относится к XVII веку, то есть последнему веку Древней Руси, когда и такой консервативный жанр письменности, как жития, испытывает воздействие новых литературных устремлений времени к конкретике и изобразительности. Иные из житий местночтимых угодников XVII века могли быть составлены и в XVIII веке, что не должно мешать отнесению их к общему своду севернорусских житий, поскольку традиции Древней Руси были живы на Русском Севере и XVIII веке.

В этих житиях во множестве рассыпаны факты исторические и географические. Правда, их нужно заметить — подобно золотникам их приходится извлекать из породы и обрабатывать, поскольку каждый такой факт, взятый сам по себе, еще мало что значит и требует комментариев, то есть обнаружения связей и аналогий. Но не только. Зачастую сообщаемый факт требует и доли воображения, без чего вообще невозможно воссоздание событий прошлого.

В качестве примера мы избираем житие великоустюжского святого Леонида Устьнедумского, содержащее, на наш взгляд, ценные сведения по истории и географии Русского Севера первой половины XVII века.

Как и большинство севернорусских святых, он из крестьян (мирского имени его мы не знаем), но в отличие от своих собра-

тий, вступивших на иноческую стезю в раннем возрасте, вышел на свой путь уже пожилым — пятидесяти лет (родился в 1551 году). Что побудило его к этому? Житие дает традиционное объяснение. Ему явилась во сне Богородица, которая повелела идти в Моржегорский монастырь, где взять ее икону и с той иконой идти на речку Лузу. Такое предвосхищение будущих событий — нередкий житийный прием, вспомним преподобного Никодима Кожеозерского, которому старец Илия с Кулишек предсказал, что он станет пустынноиком Хозьюгским. Однако прежде чем осуществить предназначенное, Леониду пришлось совершить кружной путь примерно в две тысячи верст...

Есть и другое объяснение вступления на иноческий путь в столь позднем возрасте. Житие называет дату — 1603 год. Вспомним, что было накануне. Был страшный голод 1601—1602 годов. Пошехонье, где жил Леонид, сильно пострадало от голода. Возможно, тогда старый крестьянин потерял всех своих близких. Иначе трудно объяснить, как мог древнерусский человек бросить дом и семью, сняв с себя ответственность за них перед Богом? Если и уходил человек на склоне лет скончать свои дни в тихой обители, то исполнив свой жизненный долг, вырастив детей, поставив их на ноги, видя свою ненужность в доме. Но в нашем случае было не так. Леонид не искал прибежища, он выходил на подвиг. Явление выражало его тайное желание. Ничто, привязывающее человека к земной жизни, не держало его, он шел трудиться ради жизни небесной.

Леонид вышел в путь и в том же 1603 году пришел на Кожеозеро, где и принял монашество. Так сообщает житие. Но откуда он мог узнать о Кожеозерском монастыре и как пролегал его путь с Пошехонья в Поморье?

Очевидно, отправившись к северу, он не мог миновать Кирилло-Белозерского монастыря. К нему из Пошехонья наиболее удобным был путь по Шексне. На Шексне в ту пору стояло несколько обителей, ныне забытых, заслоненных тенью великого соседа — Дома Пресвятой Богородицы и чудотворца Кирилла. Его сравнивают с могучим древом, засеявшим весь Русский Север монастырями и пустыньками, и это верно. Отсюда отходили и сюда сходились иноческие пути, здесь также скрещивались пути торговых и служилых людей, шла бодрая, оживленная жизнь в стенах и вне стен этой поистине северной монашеской столицы.

Взору робкого путника, выходца из деревенской глуши, представлялся величественный город с каменными строениями. Правда,

еще не были возведены знаменитые стены, восхищающие нас и поныне, но и тогда это был могучий монастырь-крепость, и свою оборонительную роль он подтвердил несколько лет спустя, выдержав осаду «русских воров» и «литовских людей».

Но пока все было тихо на Русском Севере. Земля оправлялась от последствий голода. Самозванщина еще вызревала где-то на западном порубежье.

Вряд ли так просто приняли бы в монастырь бедного крестьянина, да он, похоже, и не стремился к этому, его вело собственное призвание. Вероятно, в Кириллове он узнал о строящейся Серапионом пустыни на Кожеозере (как в свое время, должно быть, узнал о ней сам Серапион — крещеный татарин Сергей, пришедший из Москвы).

«Слухом земля полнится». Пословица времен колонизации Русского Севера оставалась в силе и на исходе «монастырской колонизации». Слухами стекались сведения о самых удаленных обителях, и взыскующие уединения либо беспокойные странники знали, куда направить стопы.

Как добирался Леонид до Кожеозера, в одиночку или в компании с кем-то, относится к области предположений, да это и не столь существенно, более точно мы можем обозначить лишь вехи его движения.

Путь его, как и других странствующих, вел от монастыря к монастырю, как бы по цепочке, находя в каждой обители кратковременное пристанище, где можно отдохнуть, обогреться, подкормиться и расспросить о дальнейшей дороге.

Выйдя из Кириллова к северу, путник не мог миновать Богородице-Рождественский Ферапонтов монастырь на Бородаевском озере. Монастырь был невелик, но каменной постройки, с собором, расписанным фресками мастера Дионисия. Если Кириллов поражал своим зодчеством, то Ферапонтов — своим живописным искусством.

Вряд ли здесь, однако, долго задерживался наш путник. Перед ним открывалось два пути — по суше и по воде.

Край дальше начинался скудный, сырой и болотистый, со многими речками и озерами. Дорога, особенно в дождливое лето, оказывалась непроезжей, ею пользовались обычно в зимнее время, по санному пути. В летнее время предпочтительнее был водный путь из Белозерского края в Поонежье через озера Воже и Лача.

Озеро Воже, или Чарондское, как называли его в старину, лежит в низких болотистых берегах. Лишь в северо-западной его части берег возвышается, и здесь стоял древний городок Чарон-

да, который упоминается в Книге Большому Чертежу (1627). Свой статус города Чаронда сохраняла до 1766 года, когда окончательно захирела. Но в начале XVII века это был городок на торговом пути, центр Чарондской волости.

Против городка на единственном острове среди обширного озера (80 километров длины и до 15 ширины) находился малый монастырек — Чарондская Спасская пустынь, основанная преподобный Мартинианом, учеником Кирилла Белозерского в XV веке. Пустынь на маленьком островке заставляет вспомнить другой Спасский монастырь — на Каменном острове на Кубенском озере. Их название имеет и второй смысл: Спас — спасение для застигнутых бурей на озере. Давно упразднен Чарондский монастырек, забыта всякая память о нем, а имя за островком с одиноко стоящей колокольней сохранилось и поныне — Спас.

С Воже через речку Свирь и большое озеро Лача водный путь приводил в город на истоке Онеги — Каргополь. «Град славен Каргополь» — почетно назван он в той же Книге Большому Чертежу. Это был один из важных торговых центров Северной Руси. Город жил соляной торговлей: сюда свозилась соль с морских варниц, здесь она взвешивалась, перегружалась и отправлялась в разные концы. Город богател и рос. Путников поражал величественный Спасо-Рождественский собор времен Грозного, не уступавший размерами своими самым значительным храмам Руси той поры. В городе было два монастыря: в верхнем конце — Успенский (позже ставший женским), в нижнем конце, за рекой — Спасова Строкина пустынь «на мху», древнейшая из обителей Каргополя, основанная иноком Вассианом в конце XIV века.

Из Каргополя в низовья Онеги тоже было два пути: водный и по суше. Второй был предпочтительнее, поскольку плавание по реке затруднено тремя грядами значительных порогов.

Несколько удаляясь от реки, дорога приводила в Александров Ошевенский монастырь, особенно любимый и почитаемый в Каргопольском крае. Монашествующие и странствующие не могли его миновать. Через Ошевенск проходили торговые пути на Кенозеро и далее в Озерный край и на Онегу.

Отсюда можно было выйти на Кену-реку к Пахомиеву Кенорецкому монастырьку. Сюда в начале XV века пришел Антоний Сийский, следовавший из новгородской земли через волоки с Водлозера на Кенозеро. В начале XVII века путь этот был заброшен. Ничего не осталось ныне от Кенорецкой пустыньки, и память о ней изгладилась, как и место, где она стояла...

Ниже по Онеге, следуя мимо многих сел и деревень, из людного, населенного края путник попадал в места глухие, малонаселенные, пустынные, лежащие у Великих порогов. Место это называлось и поныне называется Ямецкой (или Емецкой) Благовещенской пустынькой по названию существовавшей там древней малой пустыни, основанной в XIV веке. Здесь некогда останавливался Антоний Сийский, написавший для братии пустыни икону Благовещения (позже хранилась в Благовещенской церкви села Турчасово, церковь эта сгорела в не столь давнее время). Отсюда Антоний через Емецкий волок проследовал на Двину.

Во времена Леонида волок продолжал существовать, хотя и утратил прежнее значение, поскольку открылись другие пути в Двинские земли. Путь же Леонида лежал вниз по Онеге: либо через пороги в челноке, либо береговыми тропами.

Самой же пустыньке была уготована страшная участь: вскоре, в Смуту, шайка воров литовских и русских, которые безнаказанно бесчинствовали по всему Северу, ворвалась в обитель, разграбила ее и перебила всех монахов. Позже пустынька была восстановлена и продолжала существовать до упразднения в 1764 году. От нее сохранилась деревянная церковь XVIII века редкой красоты.

Нижняя Онега течет широко и спокойно в невысоких берегах с лугами, полями, стройными рядками деревень и сел. Среди них выделялись большое селение Турчасово (в то время град Турчасов, или Турчесов) и посад и острог за рекой, центр Турчасовского стана, куда входили ближние и дальние селения, в том числе и Кожеозерский монастырь. Граду Турчасову, разбогатевшему на посреднической торговле солью, тоже суждена была ужасная участь. Воровские шайки, напавшие на городок, выжгли посад и острог, не пощадив жителей.

В то время существовала еще одна малая обитель на Онеге, в ее нижнем течении, ниже Чекуева, где Онега расходится на два русла. Называлась она Сырьинской, или Сьльинской, Успенской пустынью. Основал ее в конце XIV века местный уроженец, сын священника Кириак. Он принял монашество в Ошевенском монастыре под именем Кирилла. Задумав созидать обитель, Кирилл ходил в Новгород, где получил сан священника, и, вернувшись на Онегу, на Сырьей горке построил Успенскую церковь. Монахом Сырьинской пустыни был Нифонт, первым пришедший на Кожеозеро и положивший основание монастырю. Ныне изгладилось место и этой пустыни...

Однако вряд ли Леонид посетил эту пустынь. Тропа на Кожезеро начиналась ранее, от села Прилуки. Этим путем пользовались все следовавшие в монастырь до конца XIX века, до проведения благоустроенной дороги. В то время, в первые годы XVII века, хождение по этой тропе было довольно интенсивным. Число монастырской братии быстро увеличивалось и скоро достигло сорока. Помимо Леонида, в те же годы прибыла группа из пяти иноков, сразу же вставшая в оппозицию к строителю Серапиону. Стать свидетелем начавшейся распри Леониду не было суждено. Здесь он принял пострижение, получив имя, под которым мы его знаем, и через год покинул обитель. Исполнял он должность келаря, попросту — заведовал скудным монастырским хозяйством. Можно полагать, что на эту не последнюю должность новоначальный монах был назначен из уважения к его возрасту и жизненному опыту.

К сожалению, встречи Леонида с преподобным Никодимом произошли на Соловках или по отбытию с Соловков, как о том сообщает житие.

На Соловки Леонид прибыл, скорее всего, из Усть-Онежского селения, будущего города Онеги, на одной из монастырских ладей, часто сюда приходивших. Здесь принимали всех, кто желал «потрудиться на угодников». Обитель цвела и благоустривалась трудами монахов и обетных трудников — солеварение, морские промыслы, оброк с беломорских вотчин складывались в немалые доходы. Монастырские валунные стены создавали чувство безопасности в беспокойном крае в беспокойное время — и, действительно, ни разу вражеские отряды и воровские шайки не осмеливались даже приблизиться к острову.

Как жил Леонид на Соловках, мы не знаем. Не ошибемся, сказав, что привыкший всю жизнь трудиться, он нашел здесь себе применение по силам, а также мог найти немало полезного для себя в наблюдении за монастырскими работами по благоустройству острова, в частности, в проведении каналов и осушении болот. Не этот ли опыт пригодился ему в дальнейшем?

Но Леонид так и не прижился на Соловках. Его вела мечта или, согласно житию, предопределение о своей пустыни. Та же мечта вела и других подвижников: Иова Ущельского, Дамиана Юрьегорского. Та же тяга к пустынноческой жизни была и у другого пришельца на остров в более позднее время — соловецкого постриженника старца Епифания, содруга Аввакума. «О, прекрасная моя пустынь!» — не раз восклицал он в своем пустозерском

узилище, вспоминая годы восторгов и видений, проведенные им в карельских лесах. И сокрушался о своей незадачливости: и царя на правый путь не наставил, и пустынь свою потерял...

Три года пробыл Леонид на Соловках и ушел на Двину.

Смута, между тем, разгоралась и втягивала все новые области и слои населения. Но до Севера она еще не дошла, лишь кое-где заметны были ее первые отблески, и привычная жизнь не нарушалась. Поэтому Леонид без затруднений, скорее всего на монастырской ладье, прибыл на Двинское устье.

Двинское устье с пятью руслами было в то время «морскими воротами» Руси. Входящие в Двину суда через судоходное Подужемское устье встречал Николо-Карельский монастырь, основанный в 1410 году. В 1419 году он был razорен шведами и позже восстановлен Марфой Борецкой в память об утонувших в море ее сыновей. Сюда при Грозном занесло английские корабли. Англичане, как известно, побывали при царском дворе, а монастырь в устье Двины стали называть «портом святого Николая». Но уже двадцать лет, как это звание и право «корабельной пристани» было закреплено за возникшим возле Михайло-Архангельского монастыря на Пур-Наволоке городком, первоначально названным Новыми Холмогорами, а затем Архангельским городом — по названию монастыря.

Административным же центром Двинской земли и всего Поморья оставались Холмогоры, называвшиеся в то время Колмогорами. Холмогоры были местом древним, знаменитым, хранившим память о языческих, чудских временах. Но сам город ничем особенным не выделялся, еще не начиналось в нем каменное строительство, не было и острога (построен в 1613 году, как раз перед нападением поляков и русских воров, удачно отраженным). Стоял город у мелководной протоки на низком берегу, страдая от весенних разливов. Непокойно было в городе, куда начинали проникать отзвуки Смуты. За год до появления на Двине Леонида в городе случился мятеж: дьяк и воевода расхитили общественные деньги, собранные на помощь московскому правительству. Дьяка «посадили на воду», воеводу, подумав, оставили у власти.

С некоторой долей вероятности можно предположить, что Леонид прошел через Холмогоры. Так было бы в том случае, если бы он следовал береговым путем. Под Холмогорами он должен был бы посетить малую Курцевскую пустынь, о которой, к сожалению, ничего не известно, кроме названия. Если бы он избрал водный путь, он оставил бы Холмогоры в стороне. Но двигаться

против течения для тогдашних судов было делом трудным и долгим. Гораздо удобнее была обустроенная дорога с ямской ездой, идущая с Двины на Вагу и далее через Вологду до Москвы. Двигаясь по реке, путник оставил бы в стороне и Антониев Сийский монастырь, следуя же береговой дорогой, не мог миновать эту известную не только на Севере обитель.

Антониев Сийский — один из красивейших русских монастырей. Если Соловки впечатляют эпичностью своего облика, то Сийский оставляет умиротворяющее лирическое впечатление. Это монастырь на узком озерном полуострове, выплывающий в озерные воды подобно лебедю, отражаясь белизной своих строений — нечто близкое изображенному Левитаном в пейзажах «Тихая обитель», «Вечерний звон»...

Во времена Леонида это был значительный монастырь, призреваемый московскими царями. Знал его и Иван Грозный, жалая вотчинами и посылая деньги на помин душ казненных им людей. В конце XVI века был возведен пятикупольный Троицкий собор — первое столь внушительных размеров каменное сооружение в Двинской стороне. Процветали здесь книжность и иконное искусство. Библиотека Сийского монастыря считалась знаменитой. За два года перед вероятным появлением здесь Леонида монастырь покинул его самый знаменитый ссыльный — боярин Федор Никитич Романов, в иночестве Филарет, ставший сначала ростовским митрополитом, а в будущем патриархом всея Руси, соправителем молодого царя Михаила.

Нет, не мог древнерусский человек не подивиться красоте монастыря на Михайловом озере, его ласковой, приветливой округе! Но призвание влекло его дальше. Он пришел в скромную обитель на Моржегоре и остался тут на год. Сейчас ничего не осталось от этой обители, и даже многие жители села Моржегоры не знают, что в его окрестностях был монастырь, а уж место и вовсе забыто, оно лишь предположительно угадывается на выступающем речном мысу. Прочнее топонимическая память — остров напротив и поныне называется Монастырским, и перекат — тоже Монастырский. Историк может добавить, что где-то здесь, «у Моржа на острове», произошла битва москвичей с новгородцами за обладание Заволочьем, в которой победили новгородцы. Впрочем, это была их последняя победа...

Сколько таких скромных обителей, как Моржегорская, было разбросано по просторам Севера! А что знаем мы о них? Что зна-

ем о самом Моржегорском Никольском монастыре? А что знаем о Сефтринском монастыре, расположенном выше по реке, у Нижней Тоймы? А что знаем мы о семнадцати (!) пустыньках по Ваге, которая впадает в Двину выше Моржегор?

О Моржегорском мы только и знаем, что здесь побывал преподобный Леонид и получил от братии икону Божьей Матери. В житии говорится, что так было предопределено, и Леонид сразу узнал нужную ему икону, но не решался попросить ее, пока год спустя братия сама не отдала ему святой образ.

Как и многие северные подвижники, Леонид вышел на подвиг, благословленный иконой Божьей Матери, своим единственным сокровищем. Но, в отличие от известных нам пустынников, он не стал забираться в глушь, а направился в людные места — область града Устюга Великого.

О самом Устюге, по праву заслужившем в истории Русского Севера свой высокий титул «Великий», всего не пересказать. «Каждая страна или град блажит и славит и похваляет своих чудотворцев», — говорится в житии Прокопия Устюжского. Всего же град Устюг чтит восьмерых угодников, подвизавшихся в городе и его округе, начиная с Иоанна, крещеного татарина Буга, и жены его Марии, живших, по преданию, в XIII веке, и кончая нашим Леонидом Устьнедумским. Особенно почитаемы были знаменитые устюжские святые юродивые Прокопий Праведный и Иоанн. Их покровительство, верили устюжане, не раз спасало город от бед, спасло и от нападения воровских шаек в Смутное время в 1613 году.

Три славных монастыря было в Устюге: Спасо-Преображенский женский, основанный в 1442 году, Михайло-Архангельский, основанный в 1212 году преподобным Киприаном, и Троицкий Гледенский, основанный в XII либо XIII веке. Последний, самый знаменитый, назван по горе Гледень, на которой располагался некогда Устюг, то есть на устье Юга. Недаром на гербе Великого Устюга было изображение старца, выливающего воду из кувшина, что символизировало исток Двины от сдвижения Сухоны и Юга у горы Гледень. Позже подмываемый разливами город перешел на другой берег, где также страдал от наводнений.

Сколько пробыл Леонид в Устюге — а миновать его он никак не мог, — где и как узнал о месте своей будущей пустыни, мы не знаем. Но можно предположить, что от монахов одного из монастырей он узнал о существовании на реке Лузе, притоке Юга, на отдалении восьмидесяти верст от города, своеобразного

уголка, называемого «Лузской Пермцей», «места заглушенного и отдаленного». (В описании Русской земли в Книге Большому Чертежу упоминается «Старая Пермь» на Лузе. Подобно тому, как на Кожеозере название племени первожителей сохранилось в названии Лопского острова, так и здесь сохранилась память о каком-то пермском, то есть коми, племени).

Завершив почти круговой путь по Северу длиной примерно в две тысячи верст, Леонид пришел на Лузу, совершив удивительное в своем роде путешествие. Миновав столько разнообразных и прекрасных мест, он избрал именно это.

Поначалу местные крестьяне не хотели принимать его и сгнали с избранного места. Преподобный безропотно покинул это место и отправился в путь, но, недалеко отойдя, встретил местного крестьянина Никиту Назарова. Никита был зажиточным крестьянином, имевшим вес в округе, он уговорил жителей принять старца и отвести ему участок на неиспользуемых болотистых землях. По-видимому, крестьяне поняли, что старец не представляет угрозы их землевладению, а иметь свой мирской монастырек «на помин души» нужно и полезно.

На Севере, да и по всей Руси, существовало два типа монастырей, помимо городских: мирские и пустынные. Примером первых могут служить Александров Ошевенский, Артемиев Веркольский, с самого начала возникшие при селениях. Пустынные же, которых было большинство, находились вблизи или на удалении от населенных мест. Со временем к самым знаменитым пустынным обителям начинали стекаться люди, прежняя пустынь «искажалась», как выразился автор жития Сергия Радонежского. Возле таких монастырей, к тому же оказавшихся на важных торговых путях, со временем возникали селения за стенами, монастырь давал начало посаду, как Троице-Сергиев или Кириллов-Белозерский. Но большинство северных обителей так и остались пустынными, как почти все названные нами, через которые прошел старец Леонид.

Но Леонид не стремился в «далечайшую» пустынь, хотя бы потому, что в его возрасте это было очень трудно, а как раз искал место для мирского монастырька в краю отдаленном, но не безлюдном. Тогда становится объяснимым столь странный, казалось бы, двухтысячеверстный путь Леонида и его приход на Лузскую Пермцу. Он искал место приложения трудов и служения людям и, наконец, нашел его.

Житие сообщает, что, получив согласие крестьян, Леонид ходил в Ростов к митрополиту Филарету, который благословил его

на построение церкви, посвятил в священство и дал антиминс для освящения церкви. Было это в 1608 году, а в следующем году Филарет был увезен мятежниками в тушинский стан.

Хотя устройство Леонидом обители совпало со Смутным временем, особенно с годами 1612—1614, когда рассеянные в центре шайки одичавших, утративших христианский облик людей бродили по Северу и уничтожали все на своем пути, до Лузской Пермцы они не добрались. Леонид мог беспрепятственно заниматься своим богоугодным делом.

С помощью крестьян была срублена Введенская церковь, куда была внесена икона Божьей Матери, полученная на Моржегорах. Икона эта у местных жителей почиталась чудотворной, от нее происходили исцеления. Затем Леонид в одиночку приступил к благоустройству пустыни и проявил, как говорит житие, «изумительное трудолюбие».

Житие не дает даже приблизительного портрета преподобного, даже иконописных черт, которые сообщают иные жития. Трудно представить его в богатырском облике, но, несомненно, это был физически здоровый, крепкий человек, сухопарый, жилистый, настоящий северный крестьянин, с малых лет привыкший к тяжелому труду. В этом он ничем не отличался от выработавшегося за столетия «монастырской колонизации» типа русского подвижника, обставившего Север церквями и пустынями и ушедшего вслед за колонизационным потоком дальше, в Сибирь, завершив свой путь на Аляске. Преподобный Герман Аляскинский, создавший на Еловом острове Новый Валаам, ощущал себя тем же северным русским подвижником в диком крае. Для всех них делом, равным молитве, был труд. Труд был божьим делом, ибо направлен был на созидание святыни — храма и обители.

Преподобному Леониду досталось место, малоудобное для жития, попросту низменное и болотистое. Чтобы сделать его пригодным, предстояло осушить болото. Оно занимало обширное пространство, среди мхов лежало два озера — Черное, названное так из-за черной торфяной воды, и другое, светло-водное, названное Святым; невдалеке протекала по лесу речка Черная. Предстояло прокопать дренажную канаву и дать сток болотным водам в реку Лузу. «И паче копать болото лесное, непроходимое до Черного озера, много трудився и скорби прият от солнечного зноя и от паутов (слепней) и комаров, а правила своего никогда же оставляше».

Ненавидящий добро дьявол навел такую пакость: змей уязвил труженика в ногу. Преподобный выскочил из канавы и хотел бежать, вовсе хотел покинуть недоброе место, но от боли не

мог и стал молить Бога и Пречистую. Божья Матерь, явившись во сне, сказала: «Не скорби, старче, и не думай бежать, но паки возвратися на дело, уповая на милость Божию». От слов «не думай» старец и назвал выкопанный им канал речкой Недумкой. Название можно понять и так: не думай, а работай.

Змей же был не иначе как дьявольским наваждением, потому что ни раньше, ни позже они в этих местах не водились. Любопытно, что близ северных обителей, несмотря на обилие болот, змеи не встречаются. Исключение составляют Ошевенские окрестности и Валаам, но и тут они безвредны. Знаменитый валаамский подвижник старец Никон жил в пещере со змеями, «которых сожительство не тревожило смиренного старца».

Рукотворная речка, прокопанная старцем, имела длину от реки Лузы до Черного озера 900 сажен, от Черного озера до Святого 40 сажен, от Святого до Черной речки 800 сажен, то есть всего 1740 сажен, или 3700 метров с небольшим. Сколько лет затратил старец на сооружение дренажной канавы, мы не знаем, но трудолюбие его было поистине «изумительным».

По окончании работ деятельный монах-крестьянин на этом не остановился. Поскольку между озерами и Лузой образовался спад, старец поставил на своей речке колесную мельницу. Таким образом, создаваемый монастырь получил источник дохода и мог существовать не одними подаяниями. Очевидно, в это время начала стекаться на Недумку и немногочисленная братия.

Практичность и предприимчивость были свойственны севернорусским подвижникам, как свидетельствуют их жития. Подвиг соловецких монахов, преобразивших дикий остров, общеизвестен. Но теми же неутомимыми трудами, хотя и не столь впечатляющими, была наполнена жизнь каждой обители. Вспомним хотя бы кожезерских монахов, насыпавших широкую дамбу, превратив остров в полуостров. Широкое распространение в монастырях получило мельничное дело. На том же Кожезере существовали водяная и ветряная мельницы. Не один Леонид стал монахом-мельником. Старец Епифаний, пришедший на Суну-реку, нашел здесь старца Кирилла Сунарецкого, содержавшего мельницу, чем и кормился в этом скудном крае. Сам же Епифаний занимался рукоделием, искусно вырезая кресты. Елеазар же Анзерский вырезал деревянную посуду и выставлял ее на морском берегу. Северный пустынный расплачивался молитвой и трудом, в чем примером для всех был преподобный Сергей Радонежский.

Леонид был не единственным из северных подвижников, предпринявшим сооружение канала. Его младшим современни-

ком был Макарий Высокоезерский, монах Кирилло-Белозерского монастыря, ушедший в уединение на озеро Высокое. Здесь он начал рыть канал между двумя озерами, заметив разность их уровней, и трудился в одиночку семь лет. Когда уровень воды в верхнем озере понизился, посреди озера открылся остров, где преподобный основал пустынь, построив храм Воскресения. Всего три года довелось ему подвизаться в своей пустыни на острове. В 1683 году на пустынь напали разбойники, страшно издевались над старцем, жгли огнем, вколачивали под ногти деревянные спицы и замучили до смерти.

Обитель на речке Недумке продолжала благоустраиваться. Проведением канала и устройством мельницы дело не закончилось, появилась новая забота. Луза, полноводная, как и все северные реки, весной и в дождливое лето, сильно мелеет в меженную пору; обнажая пески, она слабо течет по ровному песчаному ложу, и широкую с виду реку во многих местах нетрудно перейти вброд. Весной же, в половодье, река выходит из своих низких берегов и далеко затопляет окрестности.

Несмотря на проведенные дренажные работы, обитель, стоявшая в низине, часто подтоплялась, в иные годы вода стояла не только в кельях, но и в церкви. Поэтому предстояло перенести обитель на новое, возвышенное место, заново поставить кельи и церковь. В этих заботах проходили последние годы жизни старца, приближавшегося к своему столетнему рубежу. Великой радостью, торжеством всей его жизни стало для него освящение церкви Введения во храм Богородицы с приделом великомученицы Параскевы. Последние годы преподобный провел в безмолвии. Он преставился 17 июля 1654 года в возрасте 103 лет.

Сведения о преподобном Леониде взяты нами из сборника житий вологодских святых («Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью или местночтимых». Вологда, 1880). Составитель сборника священник Иоанн Верюжский сообщает, что при изложении жития преподобного Леонида он пользовался некой рукописной книгой, хранящейся в Устьнедумской церкви. Но где теперь эта книга, и какова судьба этой церкви?

К сожалению, ничего не сообщил автор жития о последующей судьбе обители. Вряд ли она просуществовала дольше 1764 года — времени массового закрытия убогих пустыnek. Но память о старце-долгожителе, созидателе рукотворной речки, жила еще долго и изумляла местных жителей.